

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ О НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛАХ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Елена Ивановна Янович (Минск)

Загадка как явление, «существующее в горизонте интересов человека и истолковываемое человеком»¹, по своей антропоцентрической природе представляет богатый и благодарный объект исследования в русле лингвокультурологии, изучающей взаимодействие языка и культуры и отражение явлений культуры в языке народа.

Общеизвестно, что с лингвистической точки зрения текст загадки представляет собой особым образом зашифрованное или закодированное обозначение предметов и явлений окружающей человека действительности, которое осуществляется путем введения вторичной или заместительной номинации известных человеку денотатов. Исследователи, как правило, отмечают высокую степень произвольности выбора кодовой номинации, в особенности, если в этой функции выступают имена одушевленные². Необходимость декодирования загадки предопределяет ограничение этой произвольности как на основе внешнего подобия загаданного и названного денотатов, так и на основе семантического согласования кодовых лексем внутри текста, т. е. в силу внелингвистических и лингвистических факторов³. Признание внелингвистической обусловленности кодовой номинации (что влечет за собой в большинстве случаев развитие метафоричности текста загадки) является общим положением многих как лингвистических, так и литературоведческих исследований⁴. Но для того, чтобы уяснить причины и факторы, определяющие семантическую струк-

¹ *Топоров, В. Н.*: Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М., 1994, с. 16.

² *Левин, Ю. И.*: Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. — М., 1978; *Волоцкая, М.*: Некоторые замечания о классификации славянских загадок (на материале болгарских и польских загадок). Советское славяноведение, 1982, №1.

³ *Волоцкая, З. М.*: Лексика славянских загадок (опыт составления семантического словаря загадок) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983.

⁴ См., например, *Арутюнова, Н. Д.*: Языковая метафора (Синтаксис и лексика). // Лингвистика и поэтика. М., 1979; *Лазутин, С. Г.*: Поэтика русского фольклора. М., 1989.

туру загадки и выбор языковых средств ее выражения, такой подход оказывается недостаточным. Для понимания механизма порождения вторичных номинаций и их особенностей необходимо также учитывать, что загадка обобщает опыт человеческого сознания и приобретает значение культурно-исторического явления, отражающего познание человеком окружающего его мира и специфику его понимания. В загадке нашли свое отражение следы архаического, мифопоэтического сознания человека, которое было инкорпорированным мышлением, и связанной с ним мифологической идеологии, состоявшей в понимании всего неживого как живого и всего механического как органического⁵. Древнейшей и главной функцией «прото-загадки» была логическая операция различения и отождествления элементов бытия, т. е. функция идентификации, которая осуществлялась на основе символизированного мифопоэтического сознания⁶.

Загадка в народной поэзии сохранила свой первобытный мифический характер⁷. Следы такого происхождения загадки можно видеть в том, что система вторичной или заместительной номинации в составе многочисленных загадок обнаруживает связь с архетипами и мифологемами, закрепившимися в древнейших народных культурах (под системой вторичной номинации мы понимаем совокупность субстантивных номинаций, обозначающих денотаты, и связанные с ними названия глагольных и атрибутивных признаков, характеризующих загадываемые предметы и явления реальной действительности).

Космогонические загадки (из них в настоящей работе рассматриваются загадки о солнце и месяце) содержат интересный материал, освещающий мифологические мотивы выбора вторичных субстантивных номинаций. Прежде всего, в их семантической структуре реализуется зооморфный принцип номинации. Перечень названий животных и птиц, которые выступают как кодированное обозначение солнца и месяца, включает названия быка, коровы, вола, коня, жеребца, петуха, утки, например, загадки о солнце: рус. *Бурая корова через прясло глядит*; бел. *Вышэй аблокаў чырвоная птушка лятае*; укр. *Сидить півень на вербі, спустив коси до землі*; о месяце: *По высокої дороге идет бычок круто-рогий*; бел. *На паляне сіняй пасецца конь сівы*; укр. *По синьому морю*

⁵ Лосев, А. Ф.: О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // В его кн. Знак. Символ. Миф. Изд-во МГУ, 1982, с. 260.

⁶ Топоров, В. Н.: Цит. работа, с. 28–29.

⁷ Булаев, Ф. И.: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. М., 1861, с. 33.

*білий лебідь грає*⁸. Этот перечень представляется неслучайным, если учесть, что в индоевропейской космогонической мифологии названные животные и птицы обладали особой магической силой, часто выступая в роли творца⁹. Выбор таких кодирующих номинаций для современного языкового сознания представляется уже немотивированным и поэтому в целях декодирования загадки компенсируется за счет определений типа *бурий, белый, чырвоны, сівы*, выбор которых осуществляется на основе ассоциаций по цвету. Заметим тем не менее, что в составе польской загадки о солнце: *Ślepy koń, ale wrotami patrzy* сохраняется связь с древнейшей мифологемой «слепота как магический признак». Это подтверждается свидетельствами индоевропейских языков, в которых понятие «слепой» связано со значениями «застывший в религиозном экстазе», «впавший в транс» и соотносится с сакральными понятиями¹⁰.

Значительная часть восточнославянских загадок имеет в своем составе в качестве информативно значимых предикатов глаголы типа *смотреть, плысці, дивитися* и под. Их включение в предикативную основу высказываний, образующих текст загадки, соответствует общеязыковым метафорам и поэтому воспринимается как средство распознавания загаданного денотата (наряду с употреблением определений, о которых сказано выше). В этой связи обращают на себя внимание украинские загадки о солнце и русские – о месяце, в составе которых в качестве предикатов выступают глаголы звучания: укр. *Золоте тіля на весь світ рикає; Червоне тіля через ворота сі сміє*; рус. *Микитка хохотнул, под поветку заглянул*. К этой же группе можно присоединить украинскую загадку о месяце: *Прийшов бик та в ворота – мик*, в составе которой предикативную функцию выполняет отглагольное слово также со значением звучания. Выделение таких функциональных признаков загаданных денотатов противоречит житейскому опыту и не только не является правильным с точки зрения пресуппозиции, но может восприниматься как препятствие на пути декодирования загадки. Происхождение такого цикла загадок о солнце или месяце проясняется, если принять во внимание, что в индоевропейских языках установлены соответствия между названиями солнца

⁸ Здесь и далее приводятся загадки, представленные в следующих собраниях: Загадки. Беларуская народная творчасць. Мн., 1972; Загадки русского народа (сост. Д. Н. Садонников). М., 1960; Пословицы. Поговорки. Загадки (сост. В. В. Митрофанова). М., 1986; Українські народні загадки (сост. М. М. Шестопал). К., 1963.

⁹ Мифы народов мира. Т. I. 1980, с. 447; Маковский М. М.: Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996, с. 105, 295–296.

¹⁰ Маковский, М. М.: Цит. работа, с. 303.

и луны и словами, обозначающими звук. Это отражает древнее мифологическое представление солнца и луны как символов творящего божества и первоэлемента Вселенной¹¹. Среди загадок этого цикла и этой структуры особого комментария заслуживает текст украинской загадки о солнце: *Сине море хитається, білий заєць купається*, в составе которого функциональный признак *купатися* семантически не согласован с кодирующим словом *заєць* в отличие от рассмотренных выше предикативных сочетаний типа *корова смотрит, тіля рикає* и др. Своеобразие семантической структуры этого текста может быть связано с отражением древнего космогонического мифа индейских племен о сотворении мира Великим зайцем, который уничтожил злых духов, создал тайный союз ведунов и изобрел рыболовные снасти¹². Возможна и иная версия происхождения рассматриваемой номинации. Этимологически слово *заяц* связано с понятием быстроты передвижения, что сближалось с представлением о быстро мелькающем свете (этому соответствует употребление в русском языке выражения *солнечный зайчик* «отражение солнечных лучей от воды или зеркала»). Исследователь славянского фольклора Н. А. Афанасьев в этой связи упоминает о немецкой народной сказке, в которой морской зайчик олицетворяет молнию, купающуюся в дождевом море¹³. В мифопоэтическом сознании разных народов мифологема «заяц – молния» могла пережить трансформацию образов в связи с тематической близостью образов молнии – света – солнца.

Отражение древнейшего мифопоэтического представления о небесных светилах, солнце и луне, как о глазах на челе божества¹⁴ содержится в белорусских и украинских загадках, в составе которых название глаза выступает как вторичная номинация или релятивно-определятельный признак загаданных денотатов: бел. *Што гэта за вочы: адно свеціць у дзень, а другое – у ночы* (о солнце и месяце); укр. *Високо стоїть, одно око має, всюди заглядає* (о солнце). В этом случае с указанной выше мифологемой переплетается древнейшее мифопоэтическое представление об одноглазости, которая так же, как и слепота, является характерной особенностью многих мифологических персонажей¹⁵.

¹¹ Там же, с. 209–210.

¹² Мифы народов мира. Т. I, с. 447.

¹³ Афанасьев, А. Н.: Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. 1889, с. 643.

¹⁴ Маковский, М. М.: Цит. работа, с. 209–210.

¹⁵ Мифы народов мира. Т. I, с. 306–307.

Целый ряд загадок о солнце на небе содержит образ птицы на дубе: рус. *Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица-вереница, никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красна девица*; бел. *Стаіць дуб-старадуб (верадуб, вертадуб), на тым дубе-старадубе сядзіць птушка-вяртушка (пціца-верацяніца, пціца-вертаціца), ніхто яе не дастане: ані цар, ані царица* (варьируется за счет расширения слово-сочетанием *ні красная дзявіца, ні добры маладзец*); укр. *Стоить дуб-вертолуб, на тім дубі-вертолубі сидить птиця-вертолиця, ніхто її не достане – ні цар, ні цариця, ні красна девиця, ні попи, ні дяки, ні ми, дураки*. Текст загадки, кроме указанных вариантов, имеет и другие варианты в белорусском фольклоре: *У горадзе на Сіяне стаіць дуб-вертадуб, на тым дубе пціца-верацяніца, ніхто яе не дастане: ні цар, ні царица, ні красная дзявіца, ні добры маладзец; На полі-полясі сядзіць пціца-вератніца, яе ніхто не сымае: ні цар, ні царица, ні красна дзявіца*. В русском и белорусском языках известны аналогичные загадки с другим распределением кодовых номинаций: рус. *На городе на Сияне стоит дуб с вихеями, никто его не обойдет, ни царь, ни царица, ни красна девица*; бел. *Стаіць дуб-шкарадуб, на тым дубе-шкарадубе сядзіць красная дзявіца, ніхто яе не дастане: ні цар, ні царица, ні голуб, ні пціца*. Пространный объем и вариантность текста, наличие фольклорных формул и библейских имен, включение окказиональных образований в функции уточнения-приложения (*стародуб, пціца-вератніца* и др.) указывают на вторичность текста и длительное бытование загадки в фольклорной среде восточных славян. Но несомненно, что основу загадок этого цикла составляет древнейшая мифологема «Вселенная – Мировое дерево», согласно которой вершина и ветви дерева (у славян очень часто – дуба) символизируют небо, а птицы – солнце и луну¹⁶. Как видно из приведенных выше текстов, эти древнейшие мифологические фигуры в составе текста загадок могут приобретать в плане заместительной номинации разные функции, символизируя и небо, и солнце в нем, однако во всех случаях сохраняя связь с древней мифопоэтической традицией.

След другой космогонической модели мира, известной индоевропейской мифологии, согласно которой в центре Вселенной находится Мировая гора¹⁷, можно видеть в белорусской загадке о солнце на небе: *Па гары гаранскай каціўся шар вярханскі, ніхто яго не аб'едзе і не абыдзе*. В русском языке бытует загадка, в тексте которой произошла замена

¹⁶ Там же, т. 2, с. 451.

¹⁷ Маковский, М. М.: Цит. работа, с. 104.

немотивированного с точки зрения пресуппозиции упоминания о горе: *По заре зарянской катится шар вертлянский, никому его ни обойти, ни объехать* – с характерной для этого цикла загадок лексической редупликацией в инициальной позиции. В такой же степени характерным для загадок этого типа можно считать включение словесного блока фольклорного происхождения, необходимого для дешифровки загаданного денотата в связи с утратой в народном сознании многих мифологических представлений.

Разнообразие заместительных номинаций представлено в цикле загадок о солнце и луне в их соотношении друг с другом. Мотивированность кодовых номинаций солнца и месяца может быть обнаружена в свете так называемых близнецных мифов (представляющих наиболее архаическую форму солярных мифов), в которых солнце и месяц образуют пару связанных и вместе с тем противопоставленных друг другу культурных героев, часто братьев, один из которых (месяц) подчинен другому и выполняет его поручения, в других случаях, это брат и сестра¹⁸, например: укр. *За горою кам'яною стоить брат із сестрою*. Эти мифологические персонажи могут находиться в состоянии противопоставления, что отразилось в следующих текстах: рус. *Сестра к брату в гости идет, а он от сестры прячется*; бел. *Сястра да брата ў госці ідзе, а брат ад яе хаваецца*; укр. *Брат до брата в гості прийшов, а той ховається*. Отношения подчинения, которые могут определять отношения этих небесных светил в мифопоэтической традиции, проявляются в русской загадке, включающей такие кодовые номинации, как *хозяин – пастух: Золот хозяин – на поле, серебрян пастух – с поля*. Выбор прилагательных в роли определений находит объяснение в развитых солярных мифах, которые отражают связь солнца с культом металлов, в связи с чем исследователи упоминают о мифологическом мотиве борьбы бога Арджуна (вед. arjuna «серебро») с Солнцем¹⁹. Цветовые обозначения в загадках о солнце и месяце в результате субстантивации получают самостоятельные кодирующие функции: рус. *Золотой ушел – серебряный пришел*; укр. *Золоте сховалося, а срібне показалося*. Очевидно, к более позднему периоду можно отнести такие загадки о солнце и месяце, в тексте которых функциональные признаки противопоставления и противодействия, восходящие к указанной мифопоэтической традиции, называются как самостоятельные кодирующие наименования загаданных денотатов.

¹⁸ Мифы народов мира. Т. 2, с. 461–462.

¹⁹ Там же, т. 2, с. 462.

Таковы рус. *Друг друга догоняют, да друг от друга прячутся; Хоть и видятся, а не сойдутся.*

Отголоском древнего мифопоэтического представления о солнце и месяце как единстве магических существ является украинская загадка: *Два кабани увесь світ залягли, в которой выбор заместительной номинации (слова кабан) определяется мифопоэтическим представлением о кабане как о символе смерти, которая считалась неотделимой от жизни (как свидетельствует М. М. Маковский, это представление подкрепляется данными индоевропейских языков)*²⁰.

В восточнославянском фольклоре известна большая группа загадок, посвященных небу, звездам и месяцу, которые воспринимаются в их совокупности, как взаимосвязанные объекты. В роли кодирующих именованных этих денотатов выступают существительные двух лексических групп. Первая из них представлена в следующих загадках: рус. *Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый*; бел. *Поле не змерана, быдла не зличона, адзін пастух пасе*; укр. *Поле не міряне, вівці не щитані, пастух рогатий*. Эта система номинаций обнаруживает следы ранней группы астральных мифов, в которых звезды или созвездия представляются в виде животных²¹. Эти представления получили распространение в эпоху развитого скотоводства, когда в мифологическом сознании возникли образы небесных пастухов: солнца, пасущего землю, и месяца, пасущего звезды²². Номинация «небо – поле» является результатом распространения лексического ряда «пастух – скот».

Другой способ заместительной номинации неба и небесных тел представлен загадками, в которых реализуется образ покрывала (рогожки, ковра, рядна, кожуха) с рассыпанным горохом и краюшкой хлеба: рус. *Расстелю рогожку, насыплю горошку, положу хлеба краюшку*; бел. *Расцялю радзюшку, насыплю гарошку і краец хлеба палажу*; укр. *Розстелив кожушок, посипав горошок ще й краец хліба поклав*. Уподобление звезд горошине имеет более глубокие основания, чем легко возникающее в представлении сближение загаданного и явного денотатов по форме. Сопоставление слова *горох* со славянскими и другими индоевропейскими параллелями возводит его к индоевропейскому корню со значением «тереть» и обнаруживает связь со словом *жернов*. Древнее мифопоэтическое сознание сблизило стук жерновов с небесным громом,

²⁰ Маковский М. М.: Цит. работа, с. 111.

²¹ Мифы народов мира. Т. 1, с. 116.

²² Там же, т. 2, с. 292.

и поэтому горох обретает значение символа Перуна, Бога грома и молний, творца земного плодородия. Представление о блестящих молниях и блестящих звездах могло быть причиной возникновения ассоциации горох – символ молнии – звезда²³. Наряду с этим в составе текста загадок наблюдается результат развития древней мифологической модели «небо – покрывало» (в архитектуре это балдахины, шатры, в одежде человека – плащ и мантия)²⁴. Древнейшее мифологическое представление о том, что небо – покрывало имеет четыре опоры (это число соответствует четырехчастной горизонтальной модели мира: север – юг – запад – восток)²⁵, отразилось в тексте украинской загадки: *Чотири баби одно рядно тягнуть, крайчик хлеба і горошок посмалений*.

Вместе с тем в восточнославянском фольклоре представлены и такие тексты загадок этого цикла, которые, имея ту же семантическую структуру, включают в качестве кодирующих номинаций совсем иные лексические средства, проявляя тем самым связь с национально-культурным компонентом несравненно более поздних эпох. Таковы, например, рус. *Шла девица из Питера, несла кувшин бисера, она его рассыпала, никто не соберет: ни царь, ни царица, ни красная девица*; бел. *Разаслана радно, пасярэдзіне радна акраец хлеба, кругом акрайца насыпана бульба*.

Заметной особенностью восточнославянских космогонических загадок о небе и звездах (иногда в эту совокупность включается месяц) является отраженная в грамматической структуре текстов двойственность восприятия мироздания: как результата создания или результата созданны. Первая группа загадок представлена следующими текстами: рус. *Расстелю рогожку, посею горошку, посередине калач; Палажу кажух, насыплю горох, палажу бохан хлеба*; укр. *Постелю кожушок, висиплю горошок*. Другую группу представляют следующие тексты: рус. *Раскинут ковер, рассыпан горох. Ни ковра не поднять, ни гороха не собрать*; бел. *Выслана дзяружка, насыплена горошку, паложана хлеба булка*; укр. *Розстелений кожушок, на нім посяний горошок*. Есть основания усмотреть в этой особенности следы архаического мышления с присущей ему нерасчлененностью актива и пассива, из которой в дальнейшем и происходило их грамматическое различие²⁶. Но память об исходном единстве

²³ Афанасьев, А. Н.: Цит работа. Т. 2. 1868, с. 758.

²⁴ Мифы народов мира, т. 2, с. 207.

²⁵ Там же, т. 2, с. 451.

²⁶ Лосев, А. Ф.: О типах грамматического предложения в связи с историей мышления.// Указ. книга, с. 306.

как информация о праистёках продолжала сохраняться в культуре и в механизмах, вырабатываемых культурой, одним из которых является и загадка. В силу своей природы первотекст загадки обладает особым характером субъектности – объектности²⁷, что заключается в отсутствии фундаментального противопоставления активного и пассивного начал. Именно на основе первоначальной нерасчлененности формируется в дальнейшем противопоставление субъектных и бессубъектных конструкций в текстах приведенных загадок. Показательно, что такая картина наблюдается только в составе загадок о небе и звездах, т. е. тех небесных объектах, которые согласно мифологической модели мира являются результатами процесса творения. Загадки о солнце и месяце, которые в мифологическом сознании предстают как воплощение активного начала в мироздании, такими особенностями грамматической структуры не характеризуются.

Рассмотренные выше особенности в области номинаций и грамматической структуры текста загадок обнаруживают несомненную связь с древними мифическими представлениями и образами или архетипами, которые формировали народную культуру и нашли отражение в составе не только загадок, но и произведений других фольклорных жанров²⁸, представляющих образцы особого эпического склада языка. По выражению Е. Ф. Карского, этот особый склад касается и особой формы выражения, и «способа выражения тех или других представлений и понятий по раз установившимся шаблонам и приемам»²⁹.

Действительно, стилистика загадок о солнце и месяце обнаруживает сходство со стилистикой других фольклорных жанров в отношении состава лексических и грамматических средств изобразительности. Так, нередко в начальной позиции используется известный в языке фольклора прием повтора конструкций или форм с возможным лексическим или словообразовательным варьированием, например, бел. *За лясамі, за гарамі, за вялікімі марамі залатая дзяжа кісне*; укр. *За лісом-перелісом (пра-лісом) золота діжа стоїть; Ой за током за притоком стоїть свиня з одним оком*. Общим для многих фольклорных жанров является употребление постоянных эпитетов, в том числе, и в загадке: рус. *Красная девица в зеркало глядится; Золотое яблочко по серебряному блюдечку ката-*

²⁷ Топоров, В. Н.: Цит. работа, с.16.

²⁸ Буслаев, Ф. И.: Цит. работа, с.32–33.

²⁹ Карский, Е. Ф.: Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. Вып. I. Народная поэзия. – М., 1916, с. 432.

ется; при этом постоянные эпитеты, выступая в составе заместительной номинации, образуют устойчивые словосочетания, характерные для народно-поэтического стиля речи.

В отдельных случаях тексты загадок представляют собой структуры, организованные в соответствии с формулами, свойственными стилистике сказки: бел. *Ішоў маладзён ні дарогай, ні пуцём, а памыўся ні вадою, ні расою, а ўцёрся ні тканым, ні праным* (Месяц); заговора: рус. *Встану я рано, бела да румяна, умоюсь росою, распуцу золотые косы, как взойду на гору в венце золотом да гляну светлыми очами – и человек и зверь возрадуются* (Солнце); детской считалки: рус. *Катилась кадушка, золотая кружка, через царя, через царицу, через красную девицу* (Солнце).

Наблюдения над отражением культурного компонента в семантической и грамматической структуре текста загадок о небесных светилах позволяют уточнить степень произвольности кодирующих номинаций. Учитывая древнейшие мифопоэтические представления, которые формировали духовную культуру индоевропейских народов, можно думать, что выбор этих именовании (по крайней мере, в космогонических загадках, осмысливающих устройство Вселенной) не был немотивированным, он отражал древнейшие архетипы, закрепленные в коллективном сознании и в языке. Как предположение, которое требует подтверждения на более широком материале, можно отметить, что отражение древних мифологических образов и архетипов чаще наблюдается в тексте белорусских и украинских загадок в сравнении с русскими.